

— Брат, верни маленького принца. Госпожа Жунхуа будет страдать без своего ребёнка.

— Замолчи! — взревел Ханьский император.

Красавец смолк. Император грубо сунул ему в руки собственного сына и мрачно приказал:

— Накорми его. Немедленно!

Красавец, глядя в упор на решительный взгляд брата, почувствовал лишь глухую усталость. Он отложил своего сына, взял ребёнка императора и начал его укачивать. Император наконец успокоился. Слуга, поняв намёк, осторожно унёс сына Красавца в колыбель, доверив его няньке, но не осмелился отойти далеко — иначе Красавец мог расплакаться. Довольный император нежно обнял свою Чжаои, и они вместе смотрели на маленького принца, мирно спавшего у него на руках.

— Он похож на тебя, — прошептал император на ухо Красавцу, и голос его был нежен.

В груди у Красавца всё сжалось, но он промолчал, лишь продолжал убаюкивать ребёнка. Император же, словно самый любящий муж на свете, крепко обнял его и сказал с надеждой:

— Я люблю тебя. Я так хочу, чтобы у нас был общий ребёнок.

Тело Красавца постепенно застыло. Император начал расстёгивать его алый воротник, целуя плечи, нежные, словно яшма. С тех пор как Красавец вернулся в Ханьский дворец, за ним тщательно ухаживали. Из-за кормления он поправился, и его облик стал ещё прекраснее, ещё соблазнительнее.

На просторной императорской кровати, у изножья, сладко посапывал сын императора. У изголовья же император приподнял подол одежды Красавца, их тела сплелись в страстном объятии.

Под Красавцем уже струилась влага. Император, плотно прижимаясь к нему, глубоко и сильно входил в него. С тех пор как умер его муж, Красавец долго не знал ласк. Но после возвращения во дворец они с братом занимались любовью особенно часто. Тело Красавца было порочным, он и раньше любил это с братом, и хотя теперь многое изменилось, физическое наслаждение оставалось прежним.

Они не снимали одежды, лишь расстегнули штаны. Красавец приподнялся на локте, опираясь о ложе, и тихо стонал, не глядя на брата, всё его существо растворялось в удовольствии. Его узкое влагище было до краёв наполнено членом, словно любимым нефритовым дилдо, неизменно находившим самые чувствительные места.

Император лежал, не отрывая от него влюблённого взгляда, всматривался в знакомый прекрасный профиль, в алые, соблазнительные губы. Даже кончик языка, мелькавший между ними, сводил с ума. Ни одна из красавиц, подаренных ему матерью, не могла с ним сравниться. Возможно, лица у тех были утончённее, но ни стан, ни обаяние, ни эта утончённая грация Красавца им и в подмётки не годились. Ведь он вырос во дворце, был драгоценным принцем. Его изысканность — не чета этим простофилям. Он с детства делил с братом и кров, и пищу, пользовался теми же вещами, и аура у него была такая же — благородная, возвышенная. Здесь стоит отметить, что император питал сильнейшее чувство иерархии. Познав брата, он стал презирать сыновей и дочерей знати. Вкусы у него были высоки, да и сам он был не лишён тщеславия — лишь брат, по его мнению, был ему ровней и лицом, и происхождением. Вот только кровные узы эти общество не принимало, да и мать его смириться с ними не могла.

Император, влюблённый в родного брата — что за чудовищный фарс! Да ещё и помешавшийся на нём одном — ну прямо напасть какая-то, губящая страну!

Но теперь все, кто стоял у него на пути, отравлены. Отравлена и мать. При мысли об этом императору становилось на душе легко и просторно.

Красавец уже был близок к кульминации. Он гладил бёдра императора, постанывая и скуля. На ногах у брата, в отличие от ног Шаньюя, не было густых волос, они были гладкими. Красавец ритмично двигал бёдрами, активно приподнимаясь, наслаждаясь видом огромного багрового члена, входящего в его влагалище. Ему нравилось смотреть, как мужчина овладевает им. В своё время, выданный замуж за хунну, он не мог смотреть в лицо Шаньюю и потому пристально следил за его членом, за тем, как тот тёмный грубый орган входил в его влажное нутро, даря невероятное наслаждение.

Красавец, глядя на член брата, тихо постанывал, пальцы его ласкали этот орган, мяли мошонку, словно этот член был его мужем, а не принадлежал своему хозяину. Императора это и смущало, и удовлетворяло одновременно. Брат, казалось, стал ещё развратнее, особенно любил трогать его драгоценный орган, особенно любил позу сзади — прямо-таки жаждал этого.

Они совершили первый раз, не снимая одежд. Затем Красавец разделся догола и поднёс свою грудь ко рту императора, чтобы тот сосал. Красавец закрыл глаза, наслаждаясь, по щекам его катились похотливые слёзы, алые губы сладострастно приоткрылись. Император поочерёдно сосал его сосцы, выщипывая остатки молока. Сына императора кормить он не желал, зато брата — пожалуйста. Насыть его, и меньше будет безумных речей. Император с жадностью пил молоко, чувствуя, будто вернулся в материнские объятия, к ласке доброй и нежной матери. В Красавце он находил утешение — и духовное, и физическое. Как мог он не любить его?

Напоив императора молоком, Красавец снова опустился перед ним на колени, подставившись сзади. Движения брата были не столь грубы и необузданны, как у Шаньюя. Красавец похотливо извивался, пытаясь вернуть то ощущение насильственного обладания, но его не было — лишь страстные, но всё же сдержанные движения брата.

Член у императора тоже был немалым, но Красавцу он казался чересчур нежным. Он тайно жаждал большей жестокости, но высказать это не смел. В целом же он остался доволен. Насытившись, он обнял тело брата, сжал его член своими ногами и заснул.

Император, мучимый желанием, до глубокой ночи слегка пошевеливал бёдрами. Красавец же, обняв его голову, тихо прошептал:

— Спи, брат.

Император, весь в поту, не испытывал ни малейшего отвращения. Он погладил ягодицы Красавца, любясь тем, как тот жадничает, сжимая его, и это наполняло его чувством защищённости. Удовлетворённый, он прильнул к его потной груди и заснул без сновидений.

На рассвете Красавца разбудил слуга. Небо едва светлело, а император, пропустив утренний приём, сладко почивал у него на руках. Красавец тихо открыл глаза. Слуга наклонился и что-то шепнул ему на ухо.

— Помоги мне одеться, — сказал Красавец.

Он не стал будить императора — тот с трудом засыпал по ночам, и лишь его убаюкивание помогало. Красавец осторожно переложил его голову на подушку, сам же накинул тёмно-

зелёное платье. Причёсываться он не стал, лишь слегка умылся и, распустив волосы, с сыном императора на руках вышел из покоев.

У дверей зала Госпожа Жунхуа была в слезах. Император забрал её сына без единого слова, и она, подкупив служанку из Западного дворца, выведала смутные слухи. От страха она не могла уснуть и на рассвете примчалась к покоям императора, требуя вернуть ребёнка.

Красавец, держа на руках маленького принца, увидел Госпожу Жунхуа и замер. Ему редко разрешали покидать Западный дворец, да и император запрещал своим наложницам появляться там. Поэтому, прожив во дворце уже немало, он впервые видел Госпожу Жунхуа. И та была поразительно, до жути похожа на него.

Госпожа Жунхуа была одной из красавиц, подаренных императору Вдовствующей императрицей. После отправки Красавца та, желая утешить сына, специально подбирала девушек, похожих на него. Госпожа Жунхуа — одна из них. Некоторое время ей действительно жилось хорошо: император тогда даже императрицу обходил вниманием, а её — баловал. Госпожа Жунхуа не могла не возгордиться. Но потом она забеременела, а император вдруг умчался в далёкий Ючжоу и после родов не спешил возвращаться. Тогда её и охватила тревога.

Позже император действительно вернулся из Ючжоу с одурманившей его наложницей, заточил её в Западном дворце, а та ещё и сына у неё отнять покусилась! Госпожа Жунхуа с ненавистью посмотрела на Красавца. Она-то знала, кто он, и понимала, почему сама некогда пользовалась благосклонностью. Понимала, но вслух не говорила. Забрав своего сына, она, рыдая, поклонилась Красавцу — поклон был полон ненависти.

После встречи с Госпожой Жунхуа Красавец погрузился. Он безучастно сидел перед бронзовым зеркалом, расчёсывая волосы, и даже когда проснувшийся император обнял его, прильнув, не обратил на то внимания.

<http://bllate.org/book/16253/1462035>